

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Л.А. Клюкина
г. Петрозаводск, Россия

© 2024 г. Д.Ю. Баландин
г. Петрозаводск, Россия

ФЕНОМЕН МОЛЧАНИЯ В КУЛЬТУРЕ: М. ХАЙДЕГГЕР И В. БИБИХИН

Аннотация: Рецепцию философии немецкого мыслителя XX в. М. Хайдеггера в России невозможно представить без творчества В. Биbihина, который не только осуществил перевод его текстов, но создал основу для диалога между европейской современной мыслью и отечественной философской традицией XX в. Сопрягая идеи двух этих направлений мысли, он разработал свою оригинальную онтологическую герменевтику, в контексте которой под новым углом зрения рассмотрел проблемы русской культуры и русской религиозно-ориентированной философии. Данная статья посвящена малоисследованной проблеме, а именно: теме феномена молчания в культуре, которой философ занимался под влиянием работ Хайдеггера. В этой связи в статье представлен сравнительный анализ смыслового содержания понятия «молчание» в философии М. Хайдеггера и В. Биbihина, а также результаты исследования значения концепции молчания Биbihина для понимания априорных основ русской культуры. В качестве объекта исследования использовались тексты Хайдеггера, посвященные проблеме функционирования языка и молчания в культуре, и статьи Биbihина по этой теме, написанные на основе материалов прочитанных им лекций и опубликованные в сборниках разных лет. В ходе анализа работ Хайдеггера особую значимость имели труды А.В. Михайловского, Е.Ю. Талалаевой, Е.Ю. Федотовой, С.С. Хоружего, М.С. Сасы. При построении интерпретации отдельных положений философии Биbihина использовались тексты А.В. Ахутина, А.В. Магуна, А.В. Михайловского, С.С. Хоружего. В статье сделаны следующие выводы. Феномен молчания у Хайдеггера выражает полноту смысла, а язык поэзии — способ присутствия человеческого бытия в культуре. Понятие «молчание» у Биbihина означает условие смысла, т. е. указывает на мистическое ощущение невидимого и непознаваемого Бога в культуре. Язык религиозной философии трактуется им способом смыслополагания, демиургией, творчеством неангажированной живой культуры, посредством которой происходит обожение человека. С точки зрения Биbihина, метафизика русской культуры заключается в особом способе декларации трансцендентного смысла. Русское сознание определяет себя из интенционального отношения к Другому. Афффицирование Другого в русской культуре представлено в форме созерцания Бога в иси-

хазме и в форме созерцания мира как целого, отражающегося в языке русской религиозной философии в понятиях символа, соборности, всеединства.

Ключевые слова: Биbihин В.В., всеединство, мир, молчание, русская культура, русская религиозная философия, Хайдеггер М., язык.

Информация об авторах:

Людмила Александровна Ключкина — доктор философских наук, доцент, профессор, Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Респ. Карелия, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4843-9357>

E-mail: klyukina-la77@yandex.ru

Даниил Юрьевич Баландин — аспирант, преподаватель, Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Респ. Карелия, Россия; стажер-исследователь, Институт языка, литературы и истории, Карельский научный центр Российской академии наук, ул. Пушкинская, д. 11, 185000 г. Петрозаводск, Респ. Карелия, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-0052-025X>

E-mail: idann205@gmail.com

Дата поступления статьи: 12.04.2024

Дата одобрения рецензентами: 01.10.2024

Дата публикации: 29.12.2024

Для цитирования: Ключкина Л.А., Баландин Д.Ю. Феномен молчания в культуре: М. Хайдеггер и В. Биbihин // Вестник славянских культур. 2024. Т. 74. С. 48–58. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-48-58>

Творчество Владимира Вениаминовича Биbihина (1938–2004) занимает особое место в истории российской философии XX в. Чаще всего его деятельность связывают с рецепцией философии немецкого мыслителя Мартина Хайдеггера (1889–1976) в России. Действительно, он был одним из первых переводчиков работ немецкого философа, которые на него сильно повлияли. Вместе с тем исследователи справедливо отмечают, что философия Биbihина определялась не только его переводческой деятельностью, но была и его самостоятельным опытом [1, с. 178]. Он рассматривал само начало мышления, начало события как источник истины, неуловимый в опыте рефлексии, но являющийся ее неперменным условием. Интерес к дорефлексивному мышлению, из которого вырастает опыт философствования, отражен во многих работах Биbihина, особенно в работе «Другое начало». «Другое начало» Биbihина — это просто начало, это первое уникальное начало, это первая мысль, это мысль об оставленности людей Богом в мире, это мысль об одиночестве и об абсолютной свободе [11, с. 334–335]. Для человека эта оставленность — невысказанный подарок, так как в таком положении он может свободно выбирать себя и свое отношение к Богу и бытию [11, с. 336]. С точки зрения философа, осознание этой свободы должно привести не обязательно к нигилизму, но к мысли о том, что без Бога у человека не было бы этого выбора. В техническую эпоху мысль о первом начале оказалась неуместной в рамках модели линейного времени современной науки. Понимая, что научно-технический прогресс нельзя отменить, мыслитель предлагал сохранить знание о другом начале в культуре через практику молчания [11, с. 346–347]. В XX в. феномен молчания был осмыслен в связи с проблемой экспликации человеческого бытия в культуре Хайдеггером. Ведя диалог с немецким философом, Биbihин в ряде своих текстов осмыслил эту тему оригинальным образом.

Несмотря на многочисленные исследования творчества Библихина, работы, посвященные изучению размышлений философа о феномене молчания, его экспликации в культуре, пока не появлялись. Целью данной статьи является сравнительный анализ смыслового содержания понятия «молчание» в философии М. Хайдеггера и В. Библихина, а также исследование значения концепции молчания Библихина для понимания априорных основ русской культуры.

Тема молчания была артикулирована Хайдеггером в его докладе «Путь к языку» и фундаментальном труде «Бытие и время». Доклад Хайдеггера «Путь к языку» впервые был представлен публике в январе 1959 г. при содействии Баварской академии изящных искусств и Академии искусств в Берлине; в том же году, несколько позднее, доклад был опубликован в сборнике «На пути к языку» [15, с. 425].

В своем докладе Хайдеггер затрагивает главным образом проблему определения, схватывания сущности языка. С его точки зрения, сущность человека покоится в языке, поскольку вся разумная жизнь последнего неразрывно связана с говорением, познанием мира посредством языка. Человек непрочно обладает (вследствие возможности утраты дара речи, говорения) языком посредством речи: «язык — это исходящее из уст» [15, с. 260], он постоянно меняется (в чем Хайдеггер согласен с Вильгельмом фон Гумбольдтом), и он же сам позволяет нам говорить, с-казывать. Предпринимая попытку раскрытия сущности языка с помощью самого языка, немецкий философ замечает, что говорение и слушание — одновременно происходящие процессы. Молчание — не просто недостаток слова, бездействие, но некое сакральное слушание сказа самого языка, приуготовляющее человека к речи («человек, однако, способен говорить лишь поскольку он, послушный сказу, прислушивается к нему, чтобы, вторя, суметь сказать слово» [15, с. 272]). В своей фундаментальной работе «Бытие и время» Хайдеггер писал: «Кто умолкает в беседе, может в более собственном смысле «дать понять», чем тот, у кого слово не иссякает» [15, с. 426].

Молчание, по мысли философа, всегда предшествует человеческой речи. С этими размышлениями у него также связана тема Ужаса, приоткрывающего человеку Ничто. Ужас, находясь в состоянии которого человек способен увидеть, что сущее есть, «перебивает в нас способность речи» [15, с. 21], позволяет человеку трансцендироваться, не быть слепо втянутым в бытие, «присутствовать». Само же человеческое присутствие «означает: выдвинутость в Ничто» [15, с. 22]. Ничто, согласно Хайдеггеру, позволяет человеку философствовать, как смерть, или возможность смерти, позволяет познавать жизнь, несмотря на то что сказать о сущности смерти человек может лишь в свете веры, а не знания. Таким образом, молчание оказывается связано не только с живой речью языка, но и со смертью, с возможностью понимать бытие («Dasein в человеке»), домом которого является язык.

Сущность философии не исчерпывается каким-либо строгим научным определением, она есть само мышление: «философия есть философствование» [15, с. 329], поэтому в своих трудах Хайдеггер, помимо лингвистики, очень часто обращался к поэзии, как к сестре-выразительнице философии. «Мыслящий дает слово бытию. Поэт именуется святым» [15, с. 41]. Поэт, как и философ, заботится о слове, о речи, об употреблении языка, однако же делает это иначе: существо поэзии в раскрытии тайны, явлении истины посредством особого, поэтического языка (примером такого явления истины является стихотворение Штефана Георге «Слово»). Поэт внимает языку, дает Сказу говорить через него самого о потаенном самыми нужными словами, таким образом именуя святое [15, с. 302–313; 7], описывая мир. Мир же, согласно мысли немец-

кого философа, существует исключительно неразрывно с Dasein. Мир бытийствует, он не является неким предметом познания, объектом, что содержит в себе другие сущности, мир просто мирует [6, с. 206–211].

В современной информационной культуре, по мнению Хайдеггера, предпринимаются попытки замены естественного языка на «формализованный язык», более подходящий для передачи технической информации, что первоначально служит для подчинения природы человеческим нуждам. На самом же деле этим самым человек, не вслушиваясь бережно в сказ языка (в том числе не отвечая на сказ языка молчанием), ограничивает себя и сам обнаруживается во власти техники, особого способа ответа бытия на разрыв связи человека с миром, представляющего все ресурсами для достижения какой-то неясной цели [10].

Российский философ XX в. Владимир Вениаминович Бибихин (1938–2004) в своем курсе «Язык философии», прочитанном в 1989 г. на философском факультете МГУ им. Ломоносова, также обращается к теме молчания. Следует отметить, что Бибихин был переводчиком работ Хайдеггера, и этот курс он читал под влиянием идей немецкого мыслителя. Развивая идею Хайдеггера о том, что «язык есть дом бытия», он подчеркивает, что язык и молчание предполагают друг друга. «Молчание — необходимый фон слова» [14, с. 29]. В отличие от животных у человека есть выбор: говорить или не говорить. Когда человек говорит, то вся его речь сопровождается молчанием, человек не все проговаривает в языке. Это происходит потому, что человеческий язык не изображает реальность, так как у человека такой задачи нет. Задача адекватного описания фактов ставится перед компьютером. О самом важном и существенном, как правило, человек молчит, чтобы не потерять то, что является условием его собственного существования: человек посредством молчания охраняет свою свободу. Бибихин утверждает, что свобода не может быть выражена в языке, как, впрочем, и истина тоже. Цитируя Платона, он отмечает, что любое самое искусное высказывание ущербно, так как «истина равна только себе и ничему больше» [14, с. 31]. Поэтому для человека важно не подбирать слова, а определиться: брать слово в принципе или нет. Ведь сам факт того, что он говорит, означает не только, что он берет на себя ответственность за свои слова, но что право молчать об истине он оставляет за собой. Вместе с тем Бибихин обращает внимание на то, что есть события, когда становится неуместной и внутренняя речь. Попадая в эти события и переживая их, человек боится разрушить мистическую связь с основами, корнями своего бытия. Поэтому он отказывается искать какие-либо слова и даже образы для именованья такого события.

В современном мире всяческими способами исключается молчание. Школа, СМИ, Интернет транслируют массовую информацию в форме обезличенного дискурса. Людям приходится, чтобы сохранить свободу и право на молчание, говорить неопределенно. В техническом мире молчание не может оставаться тишиной. Слишком долго затянувшееся молчание всегда становится объектом интерпретации. Повседневная болтовня обо всем и вся в нашей жизни также является способом избежать молчания. Ведь оставшись один на один с самим собой, человек осознает пустоту внутри себя, сталкивается с напоминанием о смерти. Такое молчание невыносимо, и человек, чтобы не думать о смерти, спасается болтовней.

Современное общество склонно к бесконечным спорам. Однако споры ведутся не для того, чтобы получить какую-то информацию о вещах, — в споре люди пытаются прояснить истину: это делается для сохранения культуры. В культуре всегда было важно сказать о еще несказанном. В этом вопросе Бибихин соглашается с Хайдеггером.

Человека и культуру хранит по-настоящему все-таки не молчание, а слово, испытанное порогом молчания. Слово о несказанном [14, с. 34].

Поэзия и наука играют решающую роль в культуре. Наука строгим языком говорит о предмете, не касаясь того, что не является ее предметом. Поэзия же дает слово именно молчанию. Поэзия — это и есть слово о несказанном. Благодаря поэзии тишина мира еще хоть как-то присутствует в информационную эпоху. Бибихин, не упоминая прямо Хайдеггера, высказывает его мысль о том, что только в поэзии «человек может найти себя» [14, с. 34].

В информационную эпоху постоянно возникают новые искусственные языки, которые очень быстро устаревают, не успевая поведать о главном. Новоязы быстро искажаются обывателями и теряют свой смысл в уличной толпе. Ссылаясь на это обстоятельство, философ отмечает, что «настоящий мастер не изобретает себе нового языка» [14, с. 35]. С его точки зрения, следует отпустить слово на простор мысли: оно должно стать ничьим. Сначала нужно прочувствовать и осмыслить происходящее (эту ситуацию он называет торжественным молчанием, зафиксировать которую можно в методе феноменологического эпохе: «Феноменология выявляет, что так «само собой» «по природе вещей» сложилось») [11, с. 365]. Только после этой интуиции можно высказать то слово, которое в этот момент захотелось произнести, но при этом помнить, что в слове отражается состояние мыслящего, но не мысль, вызвавшая это состояние, она, как другое начало остается неуловимой, сохраняющей возможность человеческой свободы.

Согласно Бибихину, по-другому дело обстоит с информацией. В слове, передающем информацию, человека нет, он отсутствует. Настоящее произведение искусства не информирует, а показывает, одновременно скрывая человеческое бытие. Поэтому в известных исторических культурах существовала практика молчания. «Каждая полновесная культура по-своему молчит о своем» [14, с. 38]. Не понимая этого, историки культуры, по мнению мыслителя, совершают ошибку, когда игнорируют то, о чем молчит культура. Культура молчит по причине своей полноты, так как она всецело стала вместилищем бытия человека. Современная информационная культура наполнена дискуссиями о культуре, образовании, экологии, что свидетельствует о кризисе в этих сферах жизни. Вместе с тем Бибихин пишет, что любая культура дает ключи для понимания своего молчания и что задачей историков культуры является обнаружение этих ключей и выход к принципиально неаналитичным универсалиям культуры или к тому, что он называл первым началом.

Мыслитель констатирует, что десятилетия молчания русской религиозной философии в XX в. — это говорящее сообщение. Нельзя рассматривать молчание русских философов как перерыв в передаче информации, который был создан в определенных исторических условиях и обязательно возобновится в других, более подходящих. У Бибихина речь идет именно о смерти русской религиозной философии как культурного явления. В советскую эпоху русская мысль замолчала, так как не захотела приспособиться к силе. В случае приспособления к новым жизненным условиям она бы перестала быть мыслью. Дело философии заключается в том, чтобы сохранить смысл жизни, хотя сама жизнь в этом не нуждается. В советской культуре можно было сохранить смысл, только не вступая в дискуссию с псевдофилософией и прочими суррогатами мысли. На фоне молчания мысли слово, несущее информацию, разоблачало само себя, показывая всю свою нищету, бесчеловечность, бессмысленность. Русские философы своим молчанием сохранили территорию свободы в русской культуре. В связи с этим

возрождение и продолжение этой традиции философ видит не в публикации неизданных текстов русских мыслителей, не в додумывании тем, которые они не успели раскрыть и сформулировать, но в понимании значимости свободы мысли в виде права на молчание о сокровенном, несказанном. Несказанным, по Бибахину, является дело мира. Россия, по его мнению, как и Европа, является не нацией, но историческим предприятием, цель которого — реализация смысла Ренессанса: «восстановления целого мира в его истине» [14, с. 363]. А.В. Магун трактует понятие Ренессанса Бибахина как возврат к событию, как вовлеченности в историю, когда появляется возможность у человека и у народа, нации узнать себя в отношении к Другому (Богу) [4, с. 161]. Причем сама эта возможность понимается апокалиптически. Поэтому Бибахин считал, что Россию не может устроить хорошо организованный благополучный мир на земле, так как в таком мире для человека невозможна трансценденция, свобода, возможность быть самим собой. А быть самим собой по-русски означает быть несомоустроенным, быть в поисках какого-то идеала, Бога. Русского человека не устраивает мысль, что можно самого себя самостоятельно устроить. Для русской мысли характерна интенция: «устройство земли больше чем человеческих рук дело. Мир должен устроиться по-божески (безусловно) или никак» [14, с. 365]. Мир Бибахин трактует под влиянием Хайдеггера не как сумму частей, но как целое, цельность, единство, бытие. Мир — это взаимообщение, синергия, но устроена она не нами; это нечто божественное, смысловая, а не причинно-следственная связь всего и вся, софия [12, с. 33]. А.В. Михайловский интерпретирует бибахинское понятие «мир» как свободное непотребительское отношение человека к вещам [5, с. 322]. Такое восприятие мира приводит к пониманию мира как творения Бога, и человек узнает себя как Образ и подобие Бога и как бы сливается с ним, попадая в событие, оказывается захваченным им. Михайловский отмечает, что такой мир Бибахина есть всегда «мой мир», восприятие мира как целого и есть «простейшая априорная структура человеческого бытия как присутствия» [5, с. 322], что сближает русского мыслителя с Хайдеггером. По Бибахину, русский человек, захваченный софией, ощущая ее хватку, свободен, но не независим, он привязан к своему, где свое он понимает в связи с родом и народом [11, с. 372]. Поэтому идеалом русского человека рассматривается не юридическая личность и не индивидуальное (физическое) я, а человек, являющийся «собственностью себя» [11, с. 371–372].

Ход размышлений Бибахина можно связать с византийской традицией исихазма. Несмотря на то, что у него была своя интерпретация основных положений исихазма [9, с. 90–91], в своей статье «Материалы к исихастским спорам» он пишет, что именно эта традиция стала источником русской религиозной культуры. Согласно исихазму, любое человеческое существование безосновно и «может быть обеспечено только исключительным отношением к Богу, именно обожением, которое оказывается в этой перспективе единственно важной темой мысли, тем более потому что не может быть ее задачей» [13, с. 348], но опытом религиозного подвига. Анализируя тексты русской культуры, в которых отразилось народное сознание, П.А. Флоренский пишет, что реализовать этот идеал на практике удалось основателю русской религиозной традиции «молчальников» — Преподобному Сергию Радонежскому [8, с. 359]. Сергей Радонежский на примере своей жизни стремился воплотить идеал христианской этики: смирение, послушание, внутренний покой, вера в Бога, любовь к людям. В исихазме идею нравственной жизни, истину невозможно было высказать в словах. Н.С. Жиртуева, обобщив посвященные русскому исихазму исследования XIV–XV вв. заключает, что в начале XV века Андрей Рублев выразил этот идеал в своей знаменитой иконе «Троица». Рублев явил идею

единства всех людей в любви к Богу и друг к другу как первообраз русского духа, идею вселенского собора [2, с. 45]. Вместе с тем, по ее мнению, «Рублев сумел воплотить в красках исихастскую идею «обожения плоти»» [2, с. 46].

Образ Троицы Рублева был источником русской религиозной и философской мысли. Во второй половине XIX – начале XX в. русская мысль нашла слова, чтобы выразить этот первообраз русского духа. Речь идет о концепции конкретной метафизики П.А. Флоренского и феноменологической диалектике А.Ф. Лосева. Философы утверждали, что общение и познание объективной реальности возможно для человека посредством символов. Под воздействием символов изменяется сознание человека, человек обнаруживает Другое в себе и себя в Другом. Значение религиозной культуры, с точки зрения мыслителей, заключается в том, что она тесно связана с культом и возникает как результат творчества Абсолютной личности, стремящейся к всеединству. Сама личность понималась ими телесно воплощенным символом, присутствующим имплицитно в реальности, и вместе с тем понятием, используемым с целью феноменологического описания. Они связывали творчество с выражением опыта самопонимания личности. С их точки зрения, использование понятия культа и символа создавало возможности для описания опыта саморефлексии культуры, что по сути являлось культурным действием [3, с. 73]. Однако эта линия философии после Октябрьской революции была прервана. Библихин считал себя учеником Лосева, долгие годы сотрудничая с ним [9, с. 89], вместе с тем в большей степени на него повлияли тексты Хайдеггера [9, с. 108]. Библихин перенес и развил идеи Хайдеггера о языке и молчании в новом контексте или на новой территории, территории русской культуры. Российский философ подчеркивал эллинскую природу русской речи и отмечал, что отлучение от родного языка, от своей культурной почвы означает попадание в негилизм [14, с. 350]. Русская культура, по его мнению, далека как от Запада, так и от Востока, ей еще предстоит работа по приобретению своего исторического смысла. Для этого необходимо реализовать в культуре бескорыстную незаинтересованность жизнью [14, с. 355–356]. Только такая незаинтересованность может оправдать жизнь и дать ей смысл. Бескорыстная незаинтересованность жизнью означала у него принятие русским сознанием мысли о том, что жизнь — это не естественный отбор, но мир как целое, существующее само по себе, так как есть, до всякого осмысления его человеком и, напротив, являющееся условием его мысли и бытия [14, с. 360–361]. По Библихину, идея мира как целого интуитивно и имплицитно присутствует в русской культуре в виде стремления русской земли к единению и единству. Эта «встроенная метафизика» русской культуры выразилась в уникальной централизации власти и в построении сильной государственности [14, с. 364]. Отказ русского сознания от самоустроенности принял форму молчаливого согласия народа и ожидания от власти безоговорочной правды, которую никакая власть дать не в состоянии. Поэтому власть в России всегда стремилась быть безоговорочной, метафизической, а на практике ограничивалась оговорками и заговариванием проблем [14, с. 366]. «Но дать слово молчанию способны только мысль и поэзия» [14, с. 366]. Отсюда странные взаимозависимые отношения между властью и поэзией. Поэт в России больше, чем поэт. Именно поэт чувствует отзывчивость слову пространства русской культуры, его универсальность, диалогичность. Такое пространство Библихин характеризует по-хайдеггеровски — это присутствие отсутствия мира, это открытая пустота, которую, казалось бы, можно заполнять всем чем угодно, однако она все отталкивает, кроме мира [14, с. 368]. Чтобы выполнить задачу Ренессанса, не нужно искать особенное, нужно просто быть, мыслить и говорить о том, что есть. «Нашей мысли пора быть

настолько нашей, чтобы быть мыслью просто. Нашему языку пора уже давно быть языком не русской философии, не философии в России, а философии вообще» [14, с. 373].

Сравнивая взгляды Хайдеггера и Бибихина относительно темы молчания, можно сделать следующие выводы: для Хайдеггера молчание есть полнота смысла, а язык поэзии есть способ присутствия человеческого бытия в культуре. Концепт «молчание» Бибихина можно сопоставить с понятием неподобных символов Псевдо-Дионисия Ареопагита, которые использовались в православной традиции для изображения невидимого божественного мира. Для Бибихина молчание — это условие смысла, который не может быть выражен в языке, но показывает, скрывая, мир как целое, единство, как творение Бога. Язык религиозной философии Бибихин интерпретирует способом смыслополагания, демиургией, творчеством неангажированной живой культуры, посредством которой происходит обожение человека. Только такая философия, по его мнению, подходит России, «которую устроит только мир» [14, с. 369]. В этой связи, с его точки зрения, «смерть» русской религиозной философии XIX–XX вв. — оправданное явление, позволяющее сохранить понимание значимости мира как целого.

Список литературы

Исследования

- 1 Ахутин А.В., Магун А.В., Хоружий С.С. Философское наследие Владимира Вениаминовича Бибихина (обзор международной научной конференции) // Вопросы философии. 2014. №9. С. 175–181.
- 2 Журтуева Н.С. Исихазм в культуре Московской Руси XIV–XV вв. // Вестник славянских культур. 2022. Т. 66. С. 43–52.
- 3 Клюкина Л.А. Феноменологическая стратегия исследования оснований русской культуры: [в 3 ч.]. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2018. Ч. I. Метатеоретический подход М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского к исследованию сознания и культуры. 85 с. 1 электрон. опт. диск (CD-R).
- 4 Магун А.В. Понятие события в философии Владимира Бибихина // Стасис. 2015. Т. 3, № 1. С. 156–176.
- 5 Михайловский А.В. Онтологическая герменевтика Владимира Бибихина // Стасис. 2015. Т. 3, № 1. С. 306–323.
- 6 Талалаева Е.Ю. Понятия «Земля» и «Мир» в «Истоке художественного творения» Хайдеггера // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2017. №3. С. 206–211.
- 7 Федотова Е.Ю. Онтологическая сущность поэзии в философии Мартина Хайдеггера // Logos et Praxis. 2016. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskaya-suschnost-poezii-v-filosofii-martina-haydeggera> (дата обращения: 09.03.2024).
- 8 Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. Т. 2. 877 с.
- 9 Хоружий С.С. Бибихин, Палама, Хайдеггер о проблеме энергии // Стасис. 2015. Т. 3, № 1. С. 82–109.
- 10 Sasa M.S. On the nature and relevance Martin Heidegger's critique of the essence of technology // AMAMIHE: AJAP. 2020. Vol. 18, №6. URL: https://www.igwebuikeresearchinstitute.org/o_journals/amamihe_18.6.8.pdf (дата обращения: 10.03.2024).

Источники

- 11 *Бибихин В.В.* Другое начало. СПб.: Наука, 2003. 430 с.
- 12 *Бибихин В.В.* Мир. Томск: Водолей, 1995. 144 с.
- 13 *Бибихин В.В.* Энергия. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 488 с.
- 14 *Бибихин В.В.* Язык философии. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
- 15 *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

***

© 2024. **Lyudmila A. Klyukina**
Petrozavodsk, Russia

© 2024. **Daniil Yu. Balandin**
Petrozavodsk, Russia

**THE PHENOMENON OF SILENCE IN CULTURE:
M. HEIDEGGER AND V. BIBIKHIN**

Abstract: The reception of the philosophy of the 20th century German philosopher M. Heidegger in Russia cannot be imagined without the work of V. Bibikhin, who not only translated his texts, but created the basis for a dialogue between European modern thought and the Russian philosophical tradition of the 20th century. By combining the ideas of these two schools of thought, he developed his original ontological hermeneutics, in the context of which he examined the problems of Russian culture and Russian religiously oriented philosophy from a new angle. This paper focuses on a little-studied topic of the phenomenon of silence in culture, which the philosopher dealt with under the influence of the works of Heidegger. In this regard, the paper presents a comparative analysis of semantic content of the concept of silence in the philosophy of M. Heidegger and V. Bibikhin, as well as the results of a study of the meaning of Bibikhin's concept of silence for understanding the a priori foundations of Russian culture. The object of the study was Heidegger's texts on the functioning of language and silence in culture, and Bibikhin's works on this topic, written on the basis of materials from lectures he gave and published in collections of different years. During the analysis of Heidegger's works, the authors used the works of A.V. Mikhailovsky, E.Yu. Talalaeva, E.Yu. Fedotova, S.S. Horuzhy, M.S. Sasa. When interpreting certain provisions of Bibikhin's philosophy, they resorted to the texts of A.V. Akhutin, A.V. Magun, A.V. Mikhailovsky, S.S. Khoruzhy. The study comes to the following conclusions. Heidegger's phenomenon of silence expresses the fullness of meaning, and the language of poetry is the way of the presence of human existence in culture. Bibikhin's concept of "silence" means a condition of meaning, that is, pointing to the mystical feeling of the invisible and unknowable God in culture. The language of religious philosophy is interpreted by him as a method of meaning-making, demiurgy, and the creativity of an unbiased living culture, through which the deification of man occurs. From Bibikhin's point of view, the metaphysics of Russian culture lies in a special way of declaring transcendental meaning. Russian consciousness defines itself out of intentional relationship to the Other.

Affection of the Other in Russian culture is presented in the form of contemplation of God in hesychasm and in the form of contemplation of the world as a whole, reflected in the language of Russian religious philosophy through the concepts of symbol, sobornost, and pan-unity.

Keywords: Bibikhin V.V., Pan-unity, World, Silence, Russian Culture, Russian Religious Philosophy, Heidegger M., Language.

Information about authors:

Lyudmila A. Klyukina — DSc in Philosophy, Professor, Petrozavodsk State University, Lenina Ave., 33, 185910 Petrozavodsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4843-9357>

E-mail: klyukina-la77@yandex.ru

Daniil Yu. Balandin — Postgraduate Student, Professor, Petrozavodsk State University, Lenina Ave. 33, 185910 Petrozavodsk, Russia; Research Assistant, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Pushkinskaya St., 11, 185000 Petrozavodsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-0052-025X>

E-mail: idann205@gmail.com

Received: April 12, 2024

Approved after reviewing: June 1, 2024

Date of publication: December 29, 2024

For citation: Klyukina, L.A., Balandin, D.Yu. “The Phenomenon of Silence in Culture: M. Heidegger and V. Bibikhin”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 74, 2024, pp. 48–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-74-48-58>

References

- 1 Akhutin, A.V., Magun, A.V., Khoruzhii, S.S. “Filosofskoe nasledie Vladimira Veniaminovicha Bibikhina (obzor mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii)” [“The Philosophical Heritage of Vladimir Veniaminovich Bibikhin (Review of an International Scientific Conference)”]. *Voprosy filosofii*, no. 9, 2014, pp. 175–181. (In Russ.)
- 2 Zhirtueva, N.S. “Isikhazm v kul'ture Moskovskoi Rusi XIV–XV vv.” [“Hesychasm in the Culture of Muscovite Rus' of 14th – 15th Centuries”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*. vol. 66, 2022, pp. 43–52. (In Russ.)
- 3 Kliukina, L.A. *Fenomenologicheskaiia strategiiia issledovaniia osnovanii russkoi kul'tury: [v 3 ch.] [Phenomenological Strategy for Studying the Foundations of Russian Culture: [in 3 parts]]* Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2018. Part I. Metateoreticheskii podkhod M.K. Mamardashvili i A.M. Piatigorskogo k issledovaniiu soznaniia i kul'tury [Metatheoretical Approach of M.K. Mamardashvili and A.M. Pyatigorsky to the Study of Consciousness and Culture]. 85 p. 1 elektronnyi opticheskii disk (CD-R). (In Russ.)
- 4 Magun, A.V. “Poniatie sobytiia v filosofii Vladimira Bibikhina” [“The Concept of an Event in the Philosophy of Vladimir Bibikhin”]. *Stasis*, vol. 3, no. 1, 2015, pp. 156–176. (In Russ.)
- 5 Mikhailovskii, A.V. “Ontologicheskaiia germenevtika Vladimira Bibikhina” [“Ontological Hermeneutics of Vladimir Bibikhin”]. *Stasis*, vol. 3, no. 1, 2015, pp. 306–323. (In Russ.)

- 6 Talalaeva, E.Iu. “Poniatiiia ‘Zemlia’ i ‘Mir’ v ‘Istoke khudozhestvennogo tvoreniia’ Khaideggera” [“The Concepts of ‘Earth’ and ‘World’ in Heidegger’s “The Source of Artistic Creation””]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Series: *Filosofia* [Philology], no. 3, 2017, pp. 206–211. (In Russ.)
- 7 Fedotova, E.Iu. “Ontologicheskaia sushchnost' poezii v filosofii Martina Khaideggera” [“The Ontological Essence of Poetry in the Philosophy of Martin Heidegger”]. *Logos et Praxis*, no. 3 (33), 2016. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ontologicheskaya-suschnost-poezii-v-filosofii-martina-haideggera> (Accessed 09 March 2024). (In Russ.)
- 8 Florenskii, P.A. *Sochineniia: v 4 t.* [*Works: in 4 Vols.*], vol. 2, comp. and general ed. by abbot Andronik (A.S. Trubacheva), P.V. Florenskii, M.S. Trubachev. Moscow, Mysl' Publ., 1996. 877 p. (In Russ.)
- 9 Khoruzhii, S.S. “Bibikhin, Palama, Khaidegger o probleme energii” [“Bibikhin, Palama, Heidegger on the Issue of Energy”]. *Stasis*, vol. 3, no. 1, 2015, pp. 82–109. (In Russ.)
- 10 Sasa, Michael Sunday “On the Nature and Relevance Martin Heidegger’s Critique of the Essence of Technology.” *AMAMIHE: AJAP*, vol. 18, no. 6, 2020. Available at: https://www.igwebuikerresearchinstitute.org/o_journals/amamihe_18.6.8.pdf (Accessed 10 March 2024). (In English)